

В последующие дни Вэнь Юаньсинь зажил припеваючи: о нём заботилась прислуга, в еде и одежде нужды не было, а больше всего его радовало то, что он больше не чувствовал терзаний болезни. Но почему-то рана на животе, полученная им в те дни и вроде бы затянувшаяся снаружи, всегда отзывалась странным жаром. Изредка почитывавший в прошлом романы о боевых искусствах, он гадал, не скрывается ли тут какая-нибудь внутренняя травма...

Впрочем, было одно обстоятельство, которое его огорчало: с того самого раза он больше не видел Лун Сюаня... Прошел уже целый месяц!

И неведомо почему его так тревожило отсутствие этого человека, у него даже возникало желание ворваться во Дворец Сюаньюань и повидать его.

— Я говорю, молодой господин Мо, вы опять витаете в облаках? — служанку, подошедшую с подносом сладостей, звали Ин Юнь, и она прислуживала Вэнь Юаньсиню с самого первого дня.

Слегка нахмурившись и продолжая перелистывать книгу в руке, он лишь бросил в ответ:

— Ничего.

— Ничего? Ну что ж, ладно! Мне, простой служанке, конечно, не положено лезть в душу господам, но... молодой господин, вы бы книгу перевернули, вверх тормашками ведь читаете?

Услышав это, Вэнь Юаньсинь глянул на книгу в своих руках — и впрямь вверх ногами...

Бестрастно перевернув фолиант, он машинально взял и принялся грызть сладости, только что принесенные Ин Юнь, не особо переживая из-за столь неловкого момента.

Бросив взгляд на лакомство, которое уплетал Вэнь Юаньсинь, Ин Юнь невольно отразила на лице какое-то сложное чувство. Налив себе пиалу чая, она невпопад произнесла:

— По правду говоря, Вашего Ветельства в последние дни совсем не видно, видать, хлопот неупрочот.

Горько усмехнувшись, Вэнь Юаньсинь подумал, что так, пожалуй, даже лучше: больше не нужно ни о ком заботиться, не нужно жить ради кого-то другого. Наверное, в этом и заключался замысел того бессмертного божества?

Молча отпив глоток чая, он вздохнул и сказал:

— Я пойду прогуляюсь.

Заметив, что Ин Юнь собирается следовать за ним, он махнул рукой и с улыбкой добавил:

— Я просто поброжу по двору Зала Поверженного Дракона, тебе не нужно идти за мной.

Ин Юнь нахмурилась и была вынуждена остановить уже занесенную ногу.

— Когда я вернусь, мне захочется супа из водяного лотоса, приготовленного Ин Юнь. Можно?

— Вечно от тебя хлопот не оберешься! Ладно уж! Только если не сможешь осилить ужин, потом на меня не пеняй. — Ин Юнь бросила на него сердитый взгляд, сделала шаг изящной ножкой, опережая Вэнь Юаньсиня, первой вышла из комнаты и напоследок даже показала ему язык.

Девчонка хоть и числилась служанкой, но характер имела несгибаемый, умела разбираться в людях и ладить с ними. Она прекрасно видела, что Вэнь Юаньсинь совсем не похож на заносчивых молодых господ из благородных семей, поэтому за целый месяц отношение к нему стало куда более дерзким, но сам он не видел в этом никакой разницы!

— И не стану пенять, куда деваться! Суп из водяного лотоса в исполнении Ин Юнь — самый вкусный на свете! — одарив девушку невинной улыбкой, он проследил, как та сбежала, покрывшись румянцем.

Стоило Вэнь Юаньсиню впервые заглянуть в зеркало, как он сам всё понял: вот почему горничные и слуги то и дело сбежали от него с раскрасневшимися лицами и бешено бьющимися сердцами, и лишь обладающая железной выдержкой Ин Юнь оставалась рядом.

Тонкие ивовые брови, пара влажных, словно омытых водой аметистовых глаз под ними; стоило ему улыбнуться, как глаза превращались в изогнутые полумесяцы, источая легкий намек на соблазн, а венцом этого служили длинные, загнутые вверх ресницы, изящный прямой нос и вечно изогнутые в полуулыбке нежно-алые тонкие губы. Разве всё это вместе взятое не составляло картину несравненной красоты? А если прибавить к этому водопад длинных лазурных волос и его мягкий, но бесконечно изменчивый характер, его смело можно было назвать водным красавцем — не говоря уже о хрупкой, не поддающейся раскармливанию талии и белоснежной с розоватым отливом коже.

Вэнь Юаньсинь совершенно не осознавал, каким сокровищем наделено его тело, и продолжал жить в Зале размеренной жизнью отшельника, парящего в облаках. По сути, он считал, что пока неприятности не ищут его, а он не ищет неприятностей, всё будет складываться наилучшим образом.

Выйдя из комнаты и потянувшись, он окинул взглядом лучезарное небо и подумал, как же хороши эти места, где нет ни малейшей примеси грязи. Он не ощущал здесь привычной для того мира химической вони, но это также означало, что он покинул его навсегда и безвозвратно.

— Всё-таки нет ничего лучше такого свежего воздуха! — на губах Вэнь Юаньсиня расцвела улыбка — не показная, а самая искренняя.

Он вспомнил зеленые холмы и дикие поля, куда его в детстве возили родители: аромат тамошней травы казался удивительно похожим на здешний. Заметив у ног крупный валун, он присел на него, подпер подбородок руками и закрыл глаза, наслаждаясь лаской легкого ветерка, касавшегося его заостренного лица.

Внезапно раздались шаги — легкие, семенящие. Встревоженный ими, Вэнь Юаньсинь распахнул глаза и, повернув голову, увидел худого маленького мальчика.

Ребенку было от силы лет пять-шесть, и от резкого движения Вэнь Юаньсиня он весь задрожал. Светло-красные, торчащие во все стороны разномастные волосы и огромные золотистые глаза, испуганно моргавшие и разглядывавшие его — если бы этот малыш был чуть полнее, он наверняка выглядел бы всеобщим любимцем.

Почему этот ребенок кажется ему таким знакомым?.. Впрочем, неважно. Главное — почему в глубокой сердцевине царского дворца оказался исхудавший до костей ребенок?

— Привет, не хочешь присесть со мной? — прищурившись, Вэнь Юаньсинь одарил мальчика мягкой, совершенно безобидной улыбкой.

Ребенок лишь опешил и указал на себя пальцем, словно недоумевая, действительно ли этот человек обращается к нему.

Улыбка не сошла с лица Вэнь Юаньсиня, он кивнул, поднялся на ноги, взял крошечную ручку мальчика и всплеснул руками:

— Какой же ты худенький! Ты вообще ел сегодня?

Мальчик опустил голову, и Вэнь Юаньсиню всё стало понятно — перед ним разворачивалась избитая сюжетная драма... Либо жестокое обращение бесчеловечных родителей, либо изгнание и травля со стороны окружающих. Видеть его таким истощенным было поистине жалко.

Усадив ребенка обратно на большой валун, он мягко спросил:

— Как тебя зовут? Можешь мне сказать?

Мальчик ничего не ответил. Вместо этого он подобрал с земли сухую ветку и вывел на песчаной почве иероглиф «Чжан».

— Чжан? А фамилии нет?

Лун Чжан кивнул, но тут же покачал головой: приемный отец не желал, чтобы посторонние знали, кто он такой, поэтому мальчик не мог написать фамилию.

Происхождение Лун Чжана было простым и в то же время сложным. Он приходился сыном Лун Сюаню, однако Лун Сюань отказывался признавать его, поскольку ребенок страдал «полунемой». Так называлась особая болезнь, при которой человек, не научившийся говорить к десяти годам, постепенно утрачивал способность к речи навсегда. Из-за этого недуга Лун Сюань питал к нему жгучую ненависть. К тому же его мать, любимая дворовая сестра Лун Сюаня по имени Сы Ци, давно умерла, и мальчик, не имея за спиной никакой поддержки, в этом огромном дворце казался совершенной невидимкой: о нем никто не заботился, никто его не жалел, и даже то, ел ли он в последние дни, оставалось загадкой. Разумеется, у него не было положенного младенцам пухлого тельца, пахнущего молоком, и в этот раз он забрёл в Зал Поверженного Дракона лишь потому, что бездумно бегал в поисках хоть какой-нибудь еды.

Вэнь Юаньсинь в недоумении нахмурил брови, но расспрашивать не стал.

Спустя мгновение в животе Лун Чжана раздалось громкое урчание. Наслаждавшийся пейзажем Вэнь Юаньсинь с понимающей улыбкой осведомился:

— Если ты не против, не составишь ли мне компанию за трапезой?

На личике Лун Чжана вновь отразилось крайнее замешательство. За всю его недолгую жизнь, не считая рано усопшей матери, никто и никогда не проявлял к нему такой заботы. Этот человек даже улыбнулся ему... Неужели он может принять протянутую руку?

Подождав немного и не дождавшись ответа, Вэнь Юаньсинь горько усмехнулся:

— Неужели я настолько неприятный человек, что даже пообедать со мной никто не согласен?

Услышав это, Лун Чжан тут же истошно затряс головой, показывая всем видом, что это вовсе не

так. Его брови скорбно сошлись на переносице — он просто не знал, позволено ли ему идти.

— Значит, ты согласен?

Мальчик плотно сжал губки, поднял глаза на человека, который с самого начала улыбался ему так ласково... Ладно! Ради того, чтобы не огорчать и не разочаровывать добро к нему человека, пусть даже отец потом накажет его — неважно!

Его маленькая ручка вцепилась в рукав Вэнь Юаньсиня, и он согласно кивнул.

— Вот и отлично! А то я как раз ломал голову над тем, как скучно ужинать в одиночестве. Да, кстати, моё имя... ну, зови меня Юань, пошли! — потянув за ручку, Вэнь Юаньсинь решил, что непременно должен накормить ребенка досыта, иначе смотреть на него было просто невозможно.

Вернувшись в Зал Поверженного Дракона, они обнаружили, что стол уже ломится от всевозможных испускающих аппетитный аромат блюд. Вэнь Юаньсинь предположил, что Ин Юнь, не дождавшись его возвращения к чаю, решила сразу подать ужин.

— Присаживайся.

Отпустив ручку Лун Чжана, он захватил с кресла мягкую подушку, подстелил её, усадил мальчика и опустился рядом.

— Ин Юнь, ты здесь? — оглядевшись по сторонам, он не заметил ни души.

Делать было нечего: на столе красовалась всего одна порция риса, так что её пришлось уступить тому, кто в ней нуждался больше — Лун Чжану. Самому же ему придется ограничиться овощами.

Он наложил в пиалу мальчика несколько аппетитных кусочков мяса и овощей, а когда поднял взгляд, то встретился с растерянным и донельзя милым выражением лица Лун Чжана. Улыбнувшись, он произнес:

— Ничего страшного, ешь смело!

С этими словами он, словно показывая пример, поднес ко рту кусочек хрустальной капусты. Не успел он отправить его в рот, как чья-то рука перехватила палочки на полпути.

— Ты так сильно хочешь расстаться с жизнью?

Оборачиваться было не нужно: стоило услышать этот чарующий голос, и он сразу понял, кто перед ним. Но почему он явился? Разве не был занят всё это время? И с чего это вдруг он заговорил о смерти?

— Эта еда... часом, не ядовита ли? — на губах правителя заиграла зловещая ухмылка. Проведя руками вокруг Вэнь Юаньсиня, он ловко извлек из пустоты тонкую серебряную иглу и слегка погрузил её в блюдо. Игла тут же почернела почти у самого основания.

— Н-неужели? — он что, только что собирался накормить Лун Чжана этой «восхитительной», «богатой питательными веществами» отравой? Бросив испуганный взгляд в сторону, он с облегчением выдохнул: к счастью, мальчик еще не притронулся к еде.

С мрачным удовлетворением заметив, как побледнел Вэнь Юаньсинь, мужчина повернул

голову и неожиданно обнаружил в комнате постороннего.

— Чжан-эр, какого черта ты здесь делаешь? — сдерживая желание вышвырнуть мальчишку вон, раздраженно бросил Лун Сюань.

Лун Чжан только мычал и бормотал что-то невнятное, не в силах выдать ни слова, но Вэнь Юаньсинь по его напряженному лицу отчетливо видел весь ужас ребенка.

Больше не в силах терпеть, Вэнь Юаньсинь вмешался:

— Это твой сын?

— Какая стыдоба! Понятия не имею, за какие заслуги в прошлых жизнях я произвел на свет этого немого отцеубийцу! — Лун Сюань свирепо зыркнул на сына, повысив голос. Заметив, что огромные золотистые глаза Лун Чжана наполнились слезами, Вэнь Юаньсинь с досадой оттолкнул массивную руку, занесённую у него за спиной, шагнул вперед и прижал к себе исхудавшее тело мальчика. У Лун Сюаня на лбу вздулись вены от гнева, хотя он и сам не понимал, почему бесится — просто терпеть не мог, когда кто-то выказывал излишнюю заботу об этом проклятом отроде.

— Чжан-эр, не плачь, братец Юань знает, что ты проголодался, сейчас я велю приготовить для тебя всё заново, ладно? Не бойся, пока твой братец Юань рядом, никакие беды не страшны. — Утешительно улыбнувшись мальчику, он принялся гладить его растрепанные волосы. Подумав, что в таком виде оставлять голову нельзя, он взял лежавший на столике деревянный гребень и принялся расчесывать его.

— Юань? Что еще за братец Юань? — кипит от ревности и прислушиваясь к словам Вэнь Юаньсиня, озадаченно переспросил Лун Сюань.

Вэнь Юаньсинь надул алые губы и недовольно выдал:

— Сам же не веришь, что я Вэнь Юаньсинь, а не Мо Юань! Я понятия не имел, как назваться, вот и взял общий иероглиф!

Разве это называется железной логикой? Лун Сюаня едва не вывернуло от злости.

Впрочем, главной заботой оставался этот немой мальчишка.

— Ладно-ладно, пусть будет Юань, лишь бы не ломать голову над тем, как к тебе обращаться. — Тяжело вздохнув, Лун Сюань поймал себя на мысли, что Вэнь Юаньсинь послан небесами исключительно ему на мучение. — Возвращаясь к нашему разговору: ты намерен его защищать? — он кивнул на Лун Чжана.

— Разумеется, иначе зачем бы я городил весь этот огород? — продолжая расчесывать светло-красные волосы, Вэнь Юаньсинь отметил про себя, что качество волос у ребенка на редкость хорошее.

Лун Сюань нахмурил брови, не находя слов, но Вэнь Юаньсинь счел его молчание за согласие.

Закончив прическу, он завязал волосы в аккуратный хвостик и окинул взглядом посвежевшее, миловидное личико мальчика. Чего-то всё же не хватало: заметив грязные щеки, он вспомнил про белую шелковую салфетку, засунутую за пазуху, смочил её водой и бережно утер лицо Лун Чжана.

Со стороны за этим зрелищем с нарастающей яростью и... черной завистью наблюдал Лун Сюань. Видя, как Лун Чжан прищурился от удовольствия, наслаждая заботой этой прекрасной «девы», он едва не задохнулся от ревности, готовый броситься вперед и согнать собственного сына с этого места.

Он замер. Стоп, погодите-ка... Ревность? Зависть?! Неужели... неужели всё обстоит именно так, как ему только что представилось?

Та самая «красавица» тем временем отложила дела, с удовлетворением оглядывая преобразившееся личико ребенка. Приглядевшись внимательнее, он понял, почему лицо Лун Чжана показалось ему знакомым — да он же вылитый Лун Сюань!

Повернув голову и собираясь попросить у Лун Сюаня пару новых блюд, Вэнь Юаньсинь с удивлением заметил, что грозный царь застыл в каком-то странном оцепенении.

— Сюань, в чем дело? — с беспокойством приложив ладонь к его лбу, он недоуменно нахмурился: лихорадки нет... Почему же он ведет себя как помешанный?

Лун Сюань, только что вырванный из задумчивости этим окликом, вновь потерял дар речи от его прикосновения. Никто и никогда — нет, стоило уточнить: за исключением моментов близости, никто и никогда не позволял себе приближаться к нему столь близко. Его щеки порозовели, а прекрасные черты лица казались всё менее похожими на привычный образ Мо Юаня.

Его руки бессознательно обхватили лицо Вэнь Юаньсиня, и пока тот хлопал глазами от растерянности, две мягкие губы уже нежно прижались к его губам.

— Мхм?

Шок был обоюдным. Нет, даже сильнее — оба были потрясены.

Потому что даже сам Лун Сюань никак не ожидал от себя такого поступка...

— Юань? О чем ты говоришь, братец Юань? — Лун Сюань, до этого момента сидевший с надутым видом, от слов Вэнь Юаньсиня пришел в полное замешательство.

Услышав это, Вэнь Юаньсинь капризно надул алые губы и недовольно произнес:

— А кто велел тебе не верить, что я Вэнь Юаньсинь, а не Мо Юань? Я просто не знал, какое имя выбрать, вот и взял тот иероглиф, что есть в обоих!

Разве можно было говорить с таким видом, будто он абсолютно прав? Лун Сюань чуть не захлебнулся собственной кровью от возмущения. Впрочем, ладно, куда важнее сейчас был этот немой Лун Чжан.

— Хорошо, хорошо, пусть будет Юань, лишь бы мне не гадать, как тебя называть, — вздохнул Лун Сюань, чувствуя, что Вэнь Юаньсинь был послан ему свыше, чтобы испытать его терпение. — Кстати, ты намерен его защищать? — он кивнул в сторону Лун Чжана.

— Разумеется. Иначе зачем я только что об этом говорил? — Вэнь Юаньсинь продолжал расчесывать бледно-рыжие волосы мальчишки. И правда, качество волос было просто превосходным.

Лун Сюань нахмурил соболиные брови, не зная, что еще добавить, а Вэнь Юаньсинь воспринял это как согласие. Расчесав волосы, он завязал их в забавный конский хвост. Глядя на Лун Чжана, он чувствовал, что чего-то не хватает, и лишь заметив чумазое личико, сообразил, в чем дело. Он взял припасенный в складках одежды белый платок, смочил его водой и начал бережно протирать лицо Лун Чжана.

Лун Сюань, наблюдавший за этим со стороны, пришел в ярость... и испытал нечто похожее на жгучую зависть. Видя, как Лун Чжан прищурился, наслаждаясь заботой этого «прекрасного создания», он едва не заревновал и не бросился вперед, чтобы самому занять место мальчишки.

Он замер, пораженный своей мыслью. Ревность? Зависть? Неужели это именно то, о чем он подумал?

Тот самый «красавец» закончил дело и остался доволен: изящное, миловидное личико стало намного чище. Присмотревшись, он понял, почему раньше лицо Лун Чжана казалось ему смутно знакомым — ведь он был так похож на Лун Сюаня!

Вэнь Юаньсинь обернулся, чтобы попросить у Лун Сюаня принести еще еды, и обнаружил, что этот всегда уверенный в себе правитель застыл в прострации.

— Сюань, что с тобой? — озадаченно спросил он и приложил ладонь ко лбу мужчины. Странно, жара нет. С чего он вдруг стал таким ошарашенным?

Лун Сюань, только что пришедший в себя после оклика, снова опешил от прикосновения. Никто и никогда — нет, стоило добавить, кроме как в постели — не приближался к нему так близко. Его лицо залилось румянцем. И как, скажите на милость, этот бесподобно красивый облик мог казаться ему похожим на Мо Юаня?

Он машинально обхватил ладонями лицо Вэнь Юаньсиня, и пока тот недоуменно хлопал глазами, тонкие губы Лун Сюаня коснулись его губ.

— М-м?

Изумление охватило обоих. Даже сам Лун Сюань был в шоке от собственного поступка.

В последующие дни Вэнь Юаньсинь жил припеваючи: его обслуживали слуги, он ни в чем не

нуждался. Но больше всего его радовало, что он наконец избавился от мучительной боли. Правда, он не понимал одного: рана на животе, полученная им несколько дней назад, внешне затянулась, но внутри он постоянно ощущал странный жар. Тот, кто в прошлой жизни почитывал романы о боевых искусствах, начал гадать, не внутренние ли это повреждения...

Однако была одна вещь, которая его расстраивала: с того самого случая он больше не видел Лун Сюаня. Прошел уже целый месяц!

Он и сам не понимал, почему его так тревожит отсутствие правителя, и в голове даже мелькала мысль ворваться во Дворец Сюаньюань, чтобы увидеть его.

— Молодой господин Мо, вы снова витаете в облаках? — спросила служанка по имени Ин Юнь, принеся ему закуски. Она прислуживала Вэнь Юаньсиню с самого первого дня.

Он нахмурился, продолжая листать книгу, и лишь буркнул:

— Ничего особенного.

— Ничего особенного? Ну что ж, ладно! Как служанка, я, конечно, не смею расспрашивать господина о его сердечных делах, но... господин, вы держите книгу вверх ногами.

Услышав это, Вэнь Юаньсинь взглянул на книгу — и правда, перевернута.

Невозмутимо перевернув книгу, он взял закуску, которую принесла Ин Юнь, и принялся жевать. Его не слишком-то заботил этот неловкий конфуз.

Ин Юнь бросила взгляд на угощение, и в ее глазах, казалось, промелькнули какие-то чувства. Налив себе чаю, она неожиданно добавила:

— Если честно, государь в последние дни, кажется, очень занят. Вэнь Юаньсинь горько усмехнулся: кажется, так будет даже лучше. Больше не нужно заботиться о других, больше не нужно жить ради других — неужели именно этого хотел тот небожитель?

Он молча отпил чаю и, тяжело вздохнув, произнёс:

— Я выйду прогуляться.

Заметив, что Ин Юнь собирается последовать за ним, он махнул рукой и с улыбкой добавил:

— Я всего лишь поброжу по двору Зала Поверженного Дракона, тебе не обязательно идти со мной.

Ин Юнь нахмурилась и была вынуждена остановить уже занесенную для шага ногу.

— Когда вернусь, захочу отведать Суп из водяного лотоса, приготовленный тобой. Можно?

— Вечно ты выдумываешь, ну ладно! Но если потом не сможешь осилить ужин, на меня не пеняй. — Ин Юнь бросила на него сердитый взгляд, сделала шаг вперед, первой выйдя из комнаты, а уходя, обернулась и показала ему язык.

Эта девчонка, хоть и была служанкой, имела весьма твердый характер и отлично разбиралась в людях. Она явно поняла, что Вэнь Юаньсинь — не чета обычным спесивым молодым господам, поэтому за этот месяц стала вести себя с ним всё более смело. Впрочем, ему было всё равно.

— Не буду пенять, куда деваться! Суп из водяного лотоса в твоём исполнении самый вкусный!
— с невинной улыбкой ответил он, наблюдая, как Ин Юнь, зардевшись, убежала прочь.

С тех пор как Вэнь Юаньсинь впервые посмотрел в зеркало, он понял, почему служанки и слуги то и дело, краснея и смущаясь, разбегались в разные стороны при его виде. Лишь Ин Юнь, обладавшая завидной выдержкой, оставалась рядом.

Тонкие, словно ивовые ветви, брови; под ними — мягкие, как вода, фиалковые глаза, которые при улыбке превращались в два полумесяца, придавая взгляду едва уловимую притягательность; длинные изогнутые ресницы; прямой изящный нос и вечно тронутые легкой улыбкой бледно-розовые губы. Разве всё это вместе не составляло облик несравненной красоты? А если добавить к этому длинные волосы цвета воды и его мягкий, но переменчивый характер, его смело можно было назвать водяной красавицей. И это не говоря уже о хрупкой, тонкой талии, которую было невозможно раскормить, и коже, светлой до такой степени, что сквозь неё проступал нежный румянец. Вэнь Юаньсинь совершенно не осознавал, каким природным богатством обладает его тело. Он продолжал вести в пределах дворца почти что безмятежную жизнь свободного отшельника. По сути, он считал, что если неприятности не ищут его, а он не ищет неприятностей, то всё будет просто замечательно.

Выйдя из комнаты и потянувшись, Вэнь Юаньсинь посмотрел на ясную погоду снаружи. Он подумал, что это место, где совсем нет скверны, поистине прекрасно. Здесь он не чувствовал того едкого химического запаха, свойственного его прежнему миру, но это также означало, что он действительно и окончательно покинул его.

— Всё-таки такой свежий воздух куда лучше! — На губах Вэнь Юаньсиня расцвела улыбка. Она была не напускной, а самой искренней.

Он вспомнил зелёные холмы и дикие поля, куда его когда-то возили родители; аромат молодой травы там почти не отличался от здешнего. Заметив неподалёку большой валун, он присел на него. Опершись подбородком на руки, он наслаждался лёгким ветерком, ласкающим его овальное лицо, и даже прикрыл глаза.

Внезапно донёлся тихий топот шагов. Вэнь Юаньсинь испуганно открыл глаза, обернулся и увидел щуплого маленького мальчика.

Мальчугану было на вид лет пять или шесть, и он весь дрожал от резкого движения Вэнь Юаньсиня. Его бледно-красные, неровно остриженные волосы торчали в разные стороны, а большие золотистые глаза удивлённо хлопали, разглядывая сидящего. В сущности, если бы ребёнок был чуть поупитаннее, он наверняка стал бы очаровательным малышом, которого все обожают.

Почему же он кажется мне таким знакомым? Впрочем, неважно. Главное — почему в глубине королевского дворца оказался такой исхудавший ребёнок?

— Привет, хочешь присесть рядом? — Вэнь Юаньсинь прищурился и одарил мальчика безобидной, доброй улыбкой.

Мальчик лишь замер и указал пальцем на себя, словно сомневаясь, что Вэнь Юаньсинь обращается именно к нему.

Тот, не переставая улыбаться, кивнул и даже поднялся, чтобы взять мальчишку за крошечную ладонь, воскликнув:

— Ты такой худенький! Разве тебя здесь не кормят? Мальчик опустил голову. Вэнь Юаньсинь, видя это, всё понял: скорее всего, перед ним разыгрывается очередная шаблонная драма. Либо его тиранят жестокие родители, либо отвергают окружающие — глядя на то, какой он тощий и маленький, Вэнь Юаньсинь не мог не проникнуться к нему жалостью.

Усадив мальчика обратно на большой камень, где сидел сам, он спросил:

— Как тебя зовут? Можешь мне сказать?

Мальчик промолчал. Он лишь подобрал с земли сухую веточку и вывел на песке иероглиф «Чжан».

— Чжан? А фамилии нет?

Лун Чжан кивнул, но тут же покачал головой. Его отец не хотел, чтобы посторонние знали, кто он такой, поэтому мальчик не стал писать фамилию.

Личность Лун Чжана была предельно проста и в то же время невероятно сложна. Он был сыном Лун Сюаня, но тот не желал его признавать из-за «полунемоты». Так называли специфический недуг: если ребёнок к десяти годам не начинал говорить, он постепенно утрачивал способность владеть языком навсегда. Лун Сюань до крайности ненавидел его за эту болезнь. К тому же его мать, Сы Ци — кузина, которую Лун Сюань любил больше всех остальных, — давно скончалась. Не имея никакой поддержки, в этом огромном дворце мальчик

был подобен невидимке. Никто о нём не заботился, никто его не жалел. Никто даже не знал, ели он сегодня, поэтому от пухлых детских щёчек, какими они должны быть в его возрасте, не осталось и следа. Сегодня он, бродя в поисках еды, случайно забрёл в Зал Поверженного Дракона.

Вэнь Юаньсинь недоумённо нахмурился, но не стал ничего спрашивать.

Спустя некоторое время в животе Лун Чжана отчётливо заурчало. Вэнь Юаньсинь, который до этого любовался видами, понимающе улыбнулся и предложил:

— Если не возражаешь, может, пообедаешь со мной?

На маленьком личике Лун Чжана вновь отразилось замешательство. В его короткой жизни, не считая рано ушедшей матери, никто не проявлял к нему такой заботы. Он даже улыбнулся. Может ли он... принять помощь от этого человека?

Не дождавшись ответа, Вэнь Юаньсинь горько усмехнулся:

— Неужели я настолько неприятен людям? Неужели никто не хочет составить мне компанию за трапезой?

Услышав это, Лун Чжан тут же замотал головой, показывая, что это совсем не так. Он огорчённо нахмурился: он просто не знал, можно ли ему соглашаться.

— Так ты согласен?

Сжав маленькие губки, мальчик поднял взгляд на человека, который с самого начала улыбался ему так нежно. Ладно! Чтобы не расстраивать того, кто был к нему добр, он готов пойти на всё, даже если отец его накажет!

Он ухватился маленькой ручкой за рукав Вэнь Юаньсиня и кивнул.

— Отлично! А то я уже заскучал обедать в одиночестве. Кстати, моё имя... М-м, зови меня Юань. Пойдём! — Взяв его за ручку, Вэнь Юаньсинь решил, что сегодня обязательно нужно как следует накормить ребёнка, иначе смотреть на него было просто больно.

Вернувшись в Зал Поверженного Дракона, они обнаружили, что стол уже уставлен ароматными яствами. Вэнь Юаньсинь предположил, что Ин Юнь, видя, что он не вернулся к обеду, просто накрыла ужин.

— Садись.

Отпустив руку Лун Чжана, он положил на стул мягкую подушку, помог мальчику забраться на

него, а затем сел рядом.

— Ин Юнь, ты здесь? — Он огляделся, но в зале никого не было.

Делать нечего. Раз на столе всего одна порция риса, придётся отдать её Лун Чжану, которому она нужнее. А сам он перебьётся овощами.

Он положил несколько аппетитных кусочков мяса и овощей в миску мальчика, а когда поднял глаза, увидел, что Лун Чжан сидит в растерянности. Вэнь Юаньсинь улыбнулся:

— Не стесняйся, ешь!

Сказав это, он для примера взял палочками кусочек маринованной капусты, но не успел донести её до рта, как чья-то рука преградила ему путь.

— Ты так сильно хочешь умереть?

Ему даже не нужно было оборачиваться. По одному лишь тембру этого голоса, подобного небесной музыке, он понял, кто это. Но почему он пришёл сюда? Разве он не был в последнее время занят? И что значит — хочет умереть?

— В этой еде... кто знает, есть ли яд? — Лун Сюань злорадно изогнул губы. Его руки обхватили Вэнь Юаньсиня сзади, и в пальцах, которые только что были пусты, внезапно оказалась серебряная игла. Он слегка ткнул ею в блюдо, и кончик иглы тут же почернел.

— Не... не может быть, — пробормотал Вэнь Юаньсинь. Он ведь только что собирался заставить Лун Чжана съесть эти «аппетитные» и «питательные» яства? Он украдкой взглянул на мальчика: к счастью, тот ещё не успел притронуться к еде.

Лун Сюань удовлетворённо наблюдал за тем, как изменилось лицо Вэнь Юаньсиня, но, переведя взгляд в сторону, внезапно обнаружил там того, кого здесь быть не должно.

— Чжан-эр, что ты здесь делаешь? — спросил Лун Сюань, сдерживая желание вышвырнуть мальчишку прочь.

Лун Чжан мычал, не в силах вымолвить ни слова, но Вэнь Юаньсинь по его испуганному лицу понял, в каком он ужасе.

Вэнь Юаньсинь, не в силах больше на это смотреть, спросил:

— Это твой сын?

— Позор! Не знаю, какие грехи я совершил в прошлой жизни, раз у меня родился этот немой, погубивший собственную мать! — Лун Сюань пронзил сына ледяным взглядом. Его тон стал ещё суровее. Заметив, что золотистые глаза Лун Чжана вот-вот наполнятся слезами, Вэнь Юаньсинь с досадой отстранил большую руку Лун Сюаня, укрывавшую его со спины, и обнял маленького мальчика. У Лун Сюаня на лбу вздулись вены от гнева, хотя он и сам не понимал, почему так злится — вероятно, ему просто не нравилось, что кто-то проявляет излишнюю заботу об этом «непутёвом сыне».

— Чжан-эр, будь умницей. Брат Юань знает, что ты проголодался, я велю приготовить тебе свежей еды, хорошо? Не бойся, ничего страшного. Пока твой брат Юань рядом, он тебя защитит, — ласково сказал Вэнь Юаньсинь, поглаживая растрёпанные волосы мальчика. Подумав, что в таком виде ходить негоже, он взял с маленького столика деревянный гребень и принялся приводить причёску в порядок.

— Юань? Что ещё за «брат Юань»? — проворчал Лун Сюань, недовольно слушая их разговор.

Вэнь Юаньсинь надул свои алые губы:

— Кто виноват, что ты не веришь, что я Вэнь Юаньсинь, а не Мо Юань? Я не знаю, как себя называть, вот и взял общий иероглиф!

И это называется «правота»? Лун Сюаня едва не хватил удар.

Впрочем, сейчас проблема была в этом немом Чжане.

— Ладно-ладно, пусть будет Юань, лишь бы мне не ломать голову, как к тебе обращаться. — Лун Сюань вздохнул, внезапно решив, что Вэнь Юаньсинь был послан ему небесами как наказание. — И что, ты собираешься его защищать? — он указал на Лун Чжана.

— Разумеется. Иначе зачем я только что всё это говорил? — Вэнь Юаньсинь продолжил расчёсывать мягкие светло-рыжие волосы. Какие же они приятные на ощупь.

Лун Сюань нахмурил брови, не зная, что ответить, и Вэнь Юаньсинь счёл это за согласие.

Закончив, он завязал волосы в милый хвостик. Взглянув на Лун Чжана, он почувствовал, что чего-то не хватает, и, заметив грязные щёчки, догадался в чём дело. Вэнь Юаньсинь достал припрятанный за пазухой белый платок, смочил его водой и начал бережно протирать лицо мальчика.

Лун Сюань сбоку наблюдал за этим с нарастающим гневом и... завистью. Глядя, как Лун Чжан щурится, наслаждаясь услугами этой «красавицы», он чуть было не приревновал и не бросился на его место.

Он замер. Стоп, что? Ревность? Зависть?... Неужели это именно то, о чём он сейчас подумал?

«Красавица» закончила работу, с удовлетворением разглядывая преобразившееся личико. Присмотревшись, Вэнь Юаньсинь понял: он находил Лун Чжана знакомым, потому что тот был вылитый Лун Сюань.

Вэнь Юаньсинь обернулся, чтобы попросить у Лун Сюаня ещё блюд, но увидел, что этот обычно невозмутимый правитель сидит как вкопанный.

— Сюань, что с тобой? — Вэнь Юаньсинь с сомнением приложил ладонь к его лбу. Странно, лихорадки нет. Почему он выглядит как дурачок?

Лун Сюань, только что пришедший в себя от его голоса, снова оторопел от этого жеста. Ещё никогда никто — нет, стоило добавить: кроме моментов близости — не подходил к нему так близко. Лицо Лун Сюаня покраснело. И почему этот прекрасный лик с каждым взглядом всё меньше напоминает Мо Юаня?

Его руки невольно обхватили лицо Вэнь Юаньсиня, и пока тот недоумевал, тонкие губы Лун Сюаня нежно коснулись его собственных.

— М-м?

Их охватило изумление. Обоих.

Потому что даже Лун Сюань был в шоке от того, что только что сделал...

<http://bllate.org/book/21135/2144006>